

Работники «Эстонии» раскрывают закулисы обвинений Айвара Мяэ

Часть работников национальной оперы не видели и не слышали ничего такого, что теперь предъявляют в качестве претензии генеральному директору. Postimees считает важным представить журналистски сбалансированный и охватывающий всех участников этой истории обзор, вместо обвинений, представленных в СМИ, одним из героев. Именно по этой причине мы хотим донести до читателей мнения как работников театра «Эстония», которым предъявленные Айвару Мяэ обвинения непонятны, так и тех, кто Мяэ обвиняет.

В середине ноября прошлого года, после совещания отдела маркетинга Национальной оперы «Эстония», которое проходит в начале недели, руководитель по связям с общественностью Лисанна Мяннилаан вошла в кабинет Мяэ с заявлением об уходе в руках и протянула документ ему. Мяэ, насколько Мяннилаан помнит, сказал, что не считает ее желание уйти правильным, но заявление подписал.

Причина, почему Мяннилаан решила уйти, по ее словам, заключалась в том, что ей нужно было выполнять работу своего непосредственного начальника – руководителя отдела маркетинга Сирет Кампелли. Она прямо сказала об этом начальнице. На следующий день, вспоминает Мяннилаан, ее начальница при других сказала, что ей не понравились слова подчиненной.

Та размолвка через три дня закончилась заявлением об уходе Мяннилаан: «Я поняла, что мне здесь места нет». Ну и что, что директор Мяэ пытался помирить женщин, мол, не препирайтесь, лучше работайте.

Мяннилаан отрицает, что чувствовала разочарование, когда Мяэ подписал заявление, поскольку, по ее словам, уже начала переговоры с новым возможным работодателем. Однако внештатная оперная певица Ангелика Микк вспоминает, что Мяннилаан была крайне расстроена и разочарована, и говорила, что не хочет уходить, и не была готова к тому, что Мяэ подпишет заявление. Микк, по ее словам, сочувствовала Мяннилаане и пыталась ее утешить, поскольку считала ее хорошей работницей, которая всегда горела работой, и считала решение о ее увольнении глупым.

Но теперь Микк говорит, что понимает решение Мяэ: «Если человек хочет добиться того, что он хочет и провоцирует

rus.postimees.ee
06.07.2020 15:13
Прийт Пуллеритс
17000

Rahvusoper Estonia
Estonia teater
Eesti Rahvusballiett
Aivar Mäe

[заявлениями], то руководитель не может допустить, чтобы кто-то выдвигал свои требования».

Уход Мяннилаан оказался полной неожиданностью для многих работников «Эстонии», поскольку все видели, насколько хорошо Мяннилаан ладила с Мязэ. Бывшие коллеги описывают ее, как темпераментную и уверенную в себе, улыбчивую и разговорчивую, иногда она могла флиртовать и кокетничать. В прошлом году в конце сезона она получила премию от коллег.

В последние две недели, после того, как в Eesti Ekspress была опубликована претензия к Мязэ, которую подписали десять человек, и в которой его обвиняли в том, что он годами унижал коллег-женщин, отпускал неуместные комментарии сексуального характера и постоянно пытался лапать женщин, многие работники «Эстонии» посматривают именно в сторону Мяннилаан.

В конце прошлой недели мы устно проинтервьюировали 21 работника «Эстонии» (ни один из которых не захотел говорить от своего имени), и лишь единицы не высказали подозрение в том, что ведущую роль в предъявленных Мязэ обвинениях сыграла Мяннилаан.

Шутки на пределе

Мяннилаан отмечает, что поскольку несколько описаний предположительного неуместного поведения Мязэ, представленных в Ekspress, были рассказаны ею, и раньше она рассказывала об этом остальным в «Эстонии», несложно прийти к выводу, что именно она передала эту тему в СМИ. Также она припомнила, что когда зимой ей позвонил журналист из Eesti Ekspress, он сказал, что хочет поговорить на экономические темы. Но Мяннилаан настаивает: «Я не была инициатором всего этого».

(Во время первого звонка Postimees, Мяннилаан сказала, что не хочет ничего комментировать и старается держаться подальше от этого, но через полчаса перезвонила и согласилась поговорить.)

Мяннилаан признает, что несколько опубликованных в Ekspress анонимных историй рассказала она. В том числе историю о том, как Мязэ дважды при других сказал ей, что забыл свою зубную щетку и часы на ее ночном столике. На вопрос: может быть, ее историю в СМИ передал кто-то другой, она ответила: «Не хочу комментировать. Очень болезненная история».

(Связаться с Айваром Мяэ, которого представляет присяжный адвокат Пауль Керес, для получения комментария не удалось. В ситуации, когда одной стороне открыто предъявлены анонимные обвинения, Postimees считает важным, чтобы было обеспечено сбалансированное журналистское освящение.)

Большая часть работников «Эстонии» видели Мяннилаан и Мяэ, как витальный тандем: «Лисанна очень похожа на Айвара, веселая, - описывает Юули Лилль Кёстер, солистка «Эстонии». – Она шутит на грани допустимого, и это здорово, классно».

В то же время, насколько заметила Лилль Кёстер, – это подтверждают и многие другие – несмотря на частые совместные шутки Мяэ и Мяннилаан не интересовались друг другом в сексуальном плане.

Кярт Киннас, которая до конца позапрошлого года работала руководителем отдела кадров «Эстонии», на основании того, что видела сама, заверяет, что Мяэ и Мяннилаан общались друг с другом свободно, часто шутили: «Я не считаю приставаниями, если оба общаются с радостными улыбками и обнимаются при встрече».

Работающий шестой год административным руководителем Велло Омяэ говорит, что у Мяэ и Мяннилаан были хорошие рабочие отношения, в которых имелись как флирт, так и фамильярные обнимания: «[Лизанна] кружила вокруг Айвара, как пчела», - так Омяэ охарактеризовал отношения между коллегами.

Кристель Конса, которая, правда, ушла с должности продюсера четыре года назад, но которая, как бывшая подчиненная Мяэ, часто ходила в «Эстонию», обратила внимание на то, что Мяннилаан «прилипчивый человек».

Многие, говорившие с Postimees люди, которые не слышали от Мяннилаан в «Эстонии» истории о Мяэ, по их словам, не заметили и не почувствовали, чтобы она выглядела преследуемой.

Мяннилаан утверждает, что когда сейчас она говорит о тех случаях, они ей кажутся болезненным опытом. Она добавляет, что поскольку у нее не было другой возможности, чтобы поладить с Мяэ, ей пришлось все это терпеть.

Мяннилаан вспоминает, что, когда рассказывала о происходящем в «Эстонии», помочь ей никто не захотел. Говорили, что поведение Мяэ, которое она описывает,

является для него обычным и это нужно принимать в шутку: «Я осталась наедине со своими проблемами». В полицию она, по ее словам, не обратилась потому, что ей «казалось, что это не те вещи, с которыми нужно идти в полицию, что там не помогут».

Бесполезные слухи

Многие работники «Эстонии», которые считают набравший обороты скандал нападением не только на Мязэ, но и на весь театр, говорят, что все это шокировало их. Все говорившие с Postimees люди, за исключением Мяннилаан, заверяют, что их Мязэ не притеснял, они не видели ни одного подобного случая, и ни о чем подобном не слышали.

(Автор подчеркивает, что это не должно означать, будто людей, которые обвиняют Мязэ в преследовании, больше нет, как нельзя делать вывод, что говорившие с Postimees люди являются единственными, кому не в чем обвинить Мязэ, поскольку на прошлой неделе 351 человек, большая часть из которых связаны с «Эстонией», отдали свою подпись в поддержку Мязэ.)

«Я должна была быть дурой, слепой и глухой, - говорит балерина с двадцатилетним стажем Марика Муйсте, – но я не видела и не сталкивалась сама ни с одним случаем притеснений, и ни разу не слышала ничего об этом. Если бы в доме были сексуальные притеснения, разговоры об этом распространялись бы очень быстро».

Работающая в «Эстонии» восемь лет юристом Майке Майсте говорит, что за это время никто заявлений о домогательствах не подавал: «На кухнях всякое болтают, но реагировать на все склоки в доме невозможно. В театре приукрашивают все: комар пролетит, а через полчаса будут говорить, что летал американский истребитель».

И отработавшая семь с половиной лет руководителем отдела кадров Киннас заверяет, что не получала ни одной жалобы о домогательствах. Она отмечает, что в кофейных уголках могут ходить всякие слухи, но на их основании действовать невозможно.

«Часто за кофе распространяют слухи, - говорит Киннас. – Вместе переживают эмоции, и руководитель является тем, на кого можно показать пальцем. А то, какова роль другой стороны, что он сделал не так, или мог бы сделать иначе, там не анализируют».

Она добавила, что ее очень оскорбило, когда журналист Ekspress спросил, слышала ли она об этом слухи в «Эстонии»? Она ответила журналисту: «Я считаю, что делать выводы на основании слухов непрофессионально».

Поэтому часть работников «Эстонии», считаю, что нападки сначала на Мяэ, а теперь на весь театр – это чья-то личная месть после ухода из «Эстонии». Так многие вспомнили Ану Пырк, которая за 15 лет проработала на трех должностях, ушедшую год назад с поста руководителя по маркетингу и заявившую, что обязательно вернется в «Эстонию», но тогда, когда Мяэ покинет свой пост. Именно из-за этого обещания часть работников «Эстонии» считают ее одной из важных инициаторов кампании против Мяэ. На это Пырк сказала: «Я не являюсь инициатором этого».

Пырк добавила, что она, конечно, ценит Мяэ, как энергичного руководителя по строительству и проектированию, но не как руководителя людей, поэтому, несмотря на рабочее уважение, теплых рабочих отношений у них не сложилось. Однако она утверждает, что высказанное ею желание вернуться после ухода Мяэ не говорит о том, что она хочет, чтобы Мяэ ушел из «Эстонии».

Также у работников театра возник вопрос по поводу опубликованной Мяниилаан по случаю ее увольнения на странице в Facebook фотографии с Пырк, комментируя которую Пырк написала: «Лисанна, когда-нибудь, мы еще сделаем с тобой этот театр!» В свете нынешних событий теперь в театре трактуют это, как предупреждение о том, что будет кампания против Мяэ и «Эстонии».

Пырк говорит, что тот комментарий был написан под фото «на эмоциях, без каких-либо задних мыслей».

Кроме того, Пырк заверяет, что ее в «Эстонии» не притесняли, и она никогда не видела, чтобы кто-то кого-то касался в сексуальном смысле, или принуждал к чему-то силой: «Я не видела моментов, которые я могла бы отнести к домогательствам». Однако она добавила: «Я не осмелюсь утверждать, что если со мной такого не происходило, то это не происходило и с другими».

Три ночи в гостинице в качестве премии

Коллеги Мяэ с одной стороны, характеризуют его как авторитарного, жесткого и требовательного, но, с другой стороны, как дружелюбного и эмоционального. Все знают,

что он отпускает шутки, которые в другой раз могут быть на грани или даже за гранью.

Пырк говорит, что в шутку Мяэ может спросить, кто какое белье носит, или можно ли расстегнуть две пуговки на блузке? Шутливым тоном он может поинтересоваться, кто с кем в последний раз спал, и когда появятся дети? В то же время, Пырк признает, что он может отпустить двусмысленную шутку, которую не все могут понять.

Оттанцевавшая два года в «Эстонии» Сейли Лооритс-Кямбре, которую Мяэ часто звал своей невестой Кябмре, – что ни Лооритс-Кямбре, ни даже ее муж плохим не считают – вспоминает одно крупное совещание в конце сезона, когда в качестве премии давали три ночи в гостинице для гостей театра. Передавая приз, Мяэ перед всем коллективом сказал, что первую ночь придется провести с генеральным директором.

«Но это же была шутка, - говорит Лооритс-Кямбре. – Если люди не понимают шутки, то это умышленное извращение слов [Мяэ] и придание им другого контекста. Я считаю, что это умные шутки. Он делает атмосферу интересной. Приятно работать в театре». Она говорит, что глуп тот человек, которые воспринимает такие шутки, как домогательство.

Причем шутки, уместные и неуместные, Мяэ равно отпускает, как с женщинами, так и с мужчинами: «Комментарий, высказанный при повышенном настроении, или объятия как женщины-бухгалтера, так и мужчины-работника сцены-солиста-дирижера», - описала работавшая пять лет помощником Мяэ Кадри Пукк автору статьи, опубликованной в середине прошлого месяца в Eesti Ekspress Грете Лехепуу, которая очень внимательно использовала это в своей статье. «Все не так, что, мол, девушки в коротких юбках, берегитесь!», - добавляет Пукк Postimees.

(После опубликования статьи Лехепуу, Пукк попросила аннулировать подписку на Ekspress.)

Также говорившие с Postimees работники театра заверяют, что никогда не видели и не ощущали, чтобы в высказываниях или поступках Мяэ было что-то злонамеренное или имеющее сексуальный тон и подтекст.

«У Айвара, конечно, двояко понимаемый юмор, - говорит отработавшая четыре года главным администратором и продюсером в непосредственном подчинении Мяэ Кристель Конса. – Но Айвар не такой человек, который за своими

шутками подразумевал бы какой-то план домогательства или физически сделал бы что-то такое, что могло бы быть против воли другого человека. Я такого даже не представляю».

Музыкальный менеджер и продюсер Кадри Тали, которая работала рядом с Мязэ 14 лет, говорит, что в шутках и зубоскальстве Мязэ можно найти шовинистские нотки, даже грубость, но ни в коем случае это не домогательства: «Я видела в мире сексистские комментарии, видела сексистские ситуации, я знаю, о чем говорю». То же говорит и балерина Лооритс-Кямбре: «Я сталкивалась в жизни с домогательствами и распознаю их. Тут ничего такого не было».

Случай на массажном столе

И, тем не менее, в конце позапрошлой недели полиция возбудила уголовное дело по статье о домогательствах, чтобы выяснить, что происходило в театре «Эстония» в связи с поведением Мязэ. Одним из тех, кто ходил на допрос, был Велло Оямязэ. По его словам, больше часа полиция пыталась у него выяснить, было ли в «Эстонии» что-то непристойное, на что он отвечал, что такого не было. По оценке Оямязэ, полиция плохо сделала домашнюю работу, и своими вопросами пыталась его сломить.

Как и Оямязэ, балерина Лооритс-Кямбре по неизвестным для нее причинам получила повестку в полицию. Там выяснилось, что кто-то из работников «Эстонии» видел, как в прошлом сезоне Мязэ домогался к ней на массажном столе кабинета физиотерапии. Лооритс-Кямбре заверила Postimees, что помнит, как ходила на массаж, помнит, что в это время в кабинет пришел Мязэ, но не помнит никаких домогательств: «Я не чувствовала себя неудобно».

В пятницу вечером Postimees пытался связаться с еще одной балериной, которая ходила давать показания, и с которой, по словам Оямязэ, полиция, в отличие от него, с которым полиция общалась с крайней строгостью, обращалась, как со своим человеком. Но телефон той танцовщицы постоянно был занят.

На основании репортерской работы Postimees можно сделать вывод, что речь предположительно идет о случае, когда Мязэ до представления заметил на платье танцовщицы задравшееся выше нужного места, указал на это место рукой и отправил ее к швее.

Мяннилаан утверждает, что тех, кто после общения с Мяэ считал, что это ненормально или плохо, и тех, кто об этом говорил в «Эстонии» наберется больше 30: «Это не только моя проблема». Она пообещала к следующему дню уточнить количество предполагаемых жертв, но вместо этого через присяжного адвоката Марию Мяги-Рохтметс Postimees получил ходатайство не публиковать имя Мяннилаан.

(Уже до поступления ходатайства редакция тщательно взвешивала обоснованность публикуемых в этом материале данных, а после получения ходатайства мы проконсультировались с юристами и пришли к выводу, что речь идет о случае, у которого имеется крайне весомый общественный интерес. Из слов источников Postimees следует, что Мяннилаан не только возможная жертва, но и человек, который оказывает серьезное влияние на ход событий и освящение происходящего в СМИ. Поэтому для сбалансированного отражения случая Айвара Мяэ важно называть имя Мяннилаан.)

Многие говорившие с Postimees люди утверждают, что они абсолютно не знают того Мяэ, которого описывает Ekspress. «Преследователь женщин, человек, который унижает и домогается?» - удивляется репетитор Эве Андре-Туга, бывшая солистка балета. Певшая два десятка лет со сцены театра «Эстония» Хелен Локута говорит: «Со мной Айвар Мяэ вел себя крайне профессионально и вежливо, был джентльменом, являясь руководителем, не злоупотреблял своей позицией так, как это описано в Ekspress».

Отработавшая более полутора десятков лет солисткой оперы и оперетты в «Эстонии» Янне Шевченко называет нападки в СМИ несправедливыми и непрофессиональной желтой кашей, но в то же время она говорит: «Я не оправдываю развязности и панибратства, но это особенность. Я не буду его полоскать».

Трезвый гуляка

И в противовес тому, что говорилось до сих пор, работники «Эстонии» приводят в пример несколько хороших особенностей Мяэ. Музыкального менеджера Тали, по ее словам, удивляет то, что Мяэ никогда не употреблял на праздниках алкоголь и уходил раньше, чем большинство других. То же говорит и Конса – бывший главный администратор: «Он всегда вовремя уходил с праздников, никогда не напивался с нами до визга, не становился хамом или грубияном. Он не кутил с нами, а всегда себя контролировал. Он сохранял свой авторитет».

Более того, Тали отметила, что в работе Мяэ никогда не было ощущения наличия любимчиков.

И все же теперь, после того, как вокруг Мяэ разразился скандал, у отработавшей два десятка лет в оркестре и последние годы выполнявшей обязанности доверенного лица Анн Ыун, по ее словам, возникло ощущение, что разрушена семья: «От всего сердца жаль, что такое происходит. Это болезненно для каждого работника «Эстонии», как бывшего, так и нынешнего».

Раскол, как считает давняя работница Пырк, вероятнее всего возник потому, что у людей различаются чувство юмора и границы дозволенного: «Молодое поколение не понимает таких шуток, которые отпускает Айвар. Сам Айвар не понимает, что он переходит границы». Но где эти границы все же пролегают, часто размыто, говорит Пырк.

Бывшая помощница Мяэ Пукк говорит, что ее порог терпимости достаточно высок. Она привела в пример случай, когда Мяэ с улыбкой спросил, будет ли совещание в Тарту с ночевкой и засмеялся. Ее это не тронуло: «Говорю, что нет, и идем дальше. Может быть, новое поколение воспринимает такие реплики на личный счет».

Кроме того, Пырк утверждает, что в «Эстонии» всегда были женщины, которые наслаждались юмором и высказываниями Мяэ. То же заметила и Мяннилаан, по словам которой, часть женщин явно надеются, что если они будут воспринимать поведение Мяэ с улыбкой, однажды это поможет их карьере.

Предположительно вопрос в том, как кто-то трактует ту или иную ремарку, говорит Тали. Она предполагает, что те, кто теперь обрушился на Мяэ с критикой, вдвое его моложе, им чуть за 20. «Времена изменились, - говорит она. – Шутки больше не шутки. Может быть трактовка другая».

С ней соглашается Кристель Пяртна, которая с 2012 года является солисткой «Эстонии». По ее словам, театр – это эмоциональное учреждение, в котором возникает много чувствительных моментов. Работники «Эстонии» не скрывают, что у них есть ритуалы, которые непосвященным людям могут показаться чуждыми, например, удар коленом под зад перед премьерой. Также, когда здороваются, целуются в губы: «Плюс обнимаемся». Если раздуть все эти примеры, добавляет она, каждый случай может получить новый поворот.

Дикие ответы

В любом случае, многие работники театра утверждают, что если Мязэ сказать, что его шутки или поведения неприемлемы, он отступает и меняет поведение. «Я со стороны видела, что Айвар Мязэ считается с теми, кому его юмор не подходит, и становится с ними деликатным, - говорит оперная солистка Локута. – Но есть и много тех, кому это нравится, и кто пытается ответить еще более дико, показывая этим, что у них чувство юмора еще лучше».

Яна Лукс заверила, что за четверть века работы в «Эстонии» секретарем, и у нее, и у коллег возникали рабочие проблемы и даже конфликты с Мязэ, но все они были решаемыми. Она добавляет: «Каждый человек должен сказать, если ему что-то не подходит».

Мяннилаан утверждает, что она много раз говорила Мязэ, чтобы больше так не делать, но, по ее словам, просьбы остались без ответа. Она заверяет, Мязэ, конечно, «очень-очень хороший руководитель и невероятно хороший руководитель проектов и лоббист, но это не извиняет его за недостатки в его поведении». И тут же добавляет: «Это скорее неуместное поведение».

Если спросить, в каком месте неуместное поведение превращается в домогательство, Мяннилаан говорит: «Когда дело становится физическим».

На вопрос, как много у нее имеется случаев физического домогательства, она сказала: «Не хочу отвечать».

Юрист «Эстонии» Майсте говорит, что когда кто-то на работе чувствует опасность для своего душевного или физического здоровья или жизни, и не может ни к кому на работе обратиться, прежде всего, нужно идти в полицию, как бы сложно это ни было. Если идти сразу в СМИ, то, по ее словам, как показывает статья в Ekspress, последствием этого может стать разрушение жизни одного человека, хотя вина не доказана, и отсутствие возможности помочь потерпевшим.